

УСТРЕМЛЕННОСТЬ В БУДУЩЕЕ

— К 75-летию со дня рождения Леонида Леонова —

Максим Горький, необычайно тонко чувствующий подлинное, истинное в литературе, зоркий к свежим, нарождающимся талантам, высоко оценил творчество молодого, двадцатитрехлетнего Леонида Леонова. Горький сказал, что этот писатель талантлив на всю жизнь.

А находились литературные критики, которые встречали ту или иную книгу Леонова легкомысленным непониманием, с откровенным вульгаризаторством в оценках, если не сказать — с неприкрытой враждебностью. Чем объяснить такое разноречие?

Ответ на этот вопрос, видимо, надо искать в глубинах творчества самого писателя, в необычайно густой концентрации его таланта, где, как луч света в призме, преломляется бытие народа. Именно от этого преломления в творческой судьбе художника судьбы народной и рождаются, как чудо, те вечные, прохладные и чистые ключи, из которых потом утоляют жажду своего духа, жажду своей совести — гражданской, человеческой — грядущие поколения.

То, что было видно Горькому с его громадной высоты, могло быть не видно обычному глазу, и там, где рядовые ревностные служители пера усматривали предвзятую усложненность, великий художник видел густую, объемную многомерность будущего литературы, отстаивал это будущее, приветствовал и благословлял.

...За окном яркий майский вечер, молодая листва на липах почти ощутимо упруга. На стене, на старой фотографии, известной сейчас всему миру, — тоже солнце, слепящее, южное, и молодой Леонов на Капри, белозубый, с

открытой грудью, рядом с Горьким, и оба они загорелые, смеются, что-то одинаковое в выражении их глаз.

Присутствие в книгах Леонова неперенной устремленности в будущее уже само по себе во многом определило судьбу писателя. Его книги в ответ на приход каждого нового поколения начинают как бы излучать новые потоки энергии. Пройдут годы, а судьба леоновских книг будет оставаться предметом все более пристального исследования. И всякий раз будешь невольно останавливаться, вслушиваясь в журчанье родниковых ключей, бьющих из таинственных глубин материков Леонова.

Леонид Леонов пришел в литературу вместе с революцией... Один из главных образов его творчества — гигантское зарево очистительной грозы, которое не обошло стороной ни одного сколько-нибудь значительного леоновского героя: Черимова из «Скутаревского», Увадьева из «Сот», Курилова из «Дороги на океан». Раскаленная плазма революции — та особая и постоянная леоновская «присадка» к любому человеческому материалу, без действия которой невозможна достоверная окраска событий, без которой бушующая эпоха теряла бы свои истинные приметы, теряла бы свой смысл. Впрочем, это было бы чуждо самой сути таланта Леонова, являющегося к одной из великих ветвей всепроникающего русского реализма, с такой силой выявившей себя в писаниях Авакума, в едва ли не цепляющем смехе Гоголя...

Еще одна непреходящая любовь писателя — Достоевский. Но Леонов начинает издали: — Действительно, велика и прекрасна наша литература,

есть чем гордиться. И все-таки в первую очередь — Пушкин, этот абсолютный, непревзойденный гений. Знаете, литература — штука очень и очень опасная... Вот ведь в чем дело, писателя после его смерти защищают, отстаивают или перечеркивают его же книги. И никого это не минует. Даже самых удачливых и обласканных славою при жизни. Да, никто у нас не минует своей переоценки. Никто. — Мысль, как всегда, по-леоновски пронзительна и беспощадна. — Удивительные сражения, удивительные трагедии разыгрываются постоянно на книжных полках... Мы только, к сожалению, становимся их свидетелями и очевидцами ничтожной части времени.

Он несколько минут молчит, и ничто не мешает нашему молчанию. За окнами быстро темнеет, в вечернем небе светятся высокие белые, уже полетному пыльные облака. На письменном столе мягко желтеет очерченный затемненной настольной лампой круг.

— Почему мне близок Достоевский? Его интересовали не факты, а личности, воплощение его представлений о человеке и человечности, о человеке во времени. Скажем, не сами облака и вечернее небо, а их отражение, преломление в реке...

Да, Леонов осмысливает свое время, живописует его сдвиги, катаклизмы и достижения через характеры людей, через их страсти и борьбу, ищет новые возможности в постижении человека, решительно перешагнувшего порог двух столь различных эпох и нащупывающего пути к новым горизонтам, пути первопреходцев коммунизма.

Истинный патриот и сын своего века, Леонов проходит

вместе со страной этапы ее истории. Вместе со страной он — именно первопроходец в ее социальных и нравственных исканиях. И как гражданин, и как художник. Он и академик, он и ревностный защитник разумного отношения к природе, к богатствам, которые в равной степени принадлежат и нам, и будущим поколениям. Он строгий и бережный наставник молодых литературных талантов в Союзе писателей СССР.

Как художник, он дал крупные обобщения времени и его проблем. По его творчеству можно изучать нашу эпоху, историю становления Советского государства. На все зовы, на все главные набаты своего времени он откликнулся: это и «Барсуки», и «Вор», и «Сот», и «Скутаревский», и «Дорога на океан», и «Русский лес», и «Нашествие», и «Золотая карета».

И, как у всякого истинного творца, истинного художника, центр тяжести книг-материков Леонова всегда находится в их глубинной части. Здесь и сосредоточено то таинство творения, то нечто, которое идет прямо к сердцу читателя, заставляет его любить и ненавидеть, смеяться и плакать. И если прислониться ухом к черте между видимым и невидимым в произведении, то услышишь и погрохотывание зарождавшихся вулканов, и глубинный, под огромным давлением, ток крови, и ярые бдения противоположных сил, доходящие до поверхности лишь слабыми, глухими толчками.

В этом убеждаешься, когда берешь любую его книгу, будь то ранняя повесть «Туатамур» о военачальнике Чингисхана, о его походе на Русь и о его духовном крушении, или

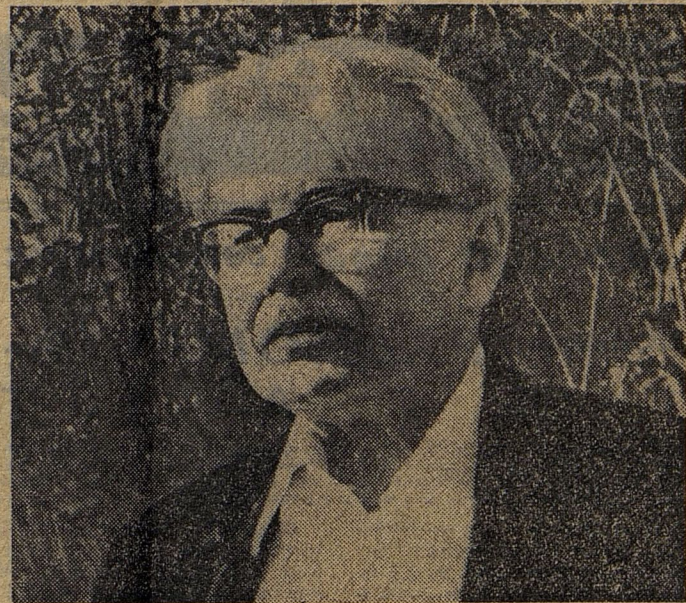
«Золотая карета», заповедь нравственности человека новой морали. Для новых и новых поколений советских людей полковник Березкин — философский символ высокого гуманизма.

Если взять публицистику Леонова, взять наугад, самую злободневную, о лесе или о русском языке, то и здесь он выступает как солдат и защитник, вставший насмерть у границы своей святыни, бессмертного имя которой — Истина.

Леоновские материалы оттого и выступают такой буйной жизнью, что своими основаниями уходят в толщу народного бытия, которая никогда не остывает, всегда находится в процессе творения и созидания.

Разбирая то или иное произведение, полезно оценивать его на прочность, на жизнестойкость во времени. Если подходить с такой меркой к оценке произведений Леонова, то поражает прочность колоссальная. Емкость, многоплановость, как в историческом, так и в социальном рисунке, как бы логарифмичность образов, особенный метод кладки, стянутой креплениями в самых неожиданных местах и направлениях, — вот слагаемые этой прочности. Сведенные в одно, они звучат согласным хором, той неповторимой симфонией жизни, в которой смешное не мешает трагическому, а сливается с ним в нерасторжимом единстве, где в шуме великого вечного русского леса просто необходим всхлип грязной воды в проруби, поглотившей Грацианского.

В духовной и мыслительной насыщенности, в философской и нравственной концентрации, в емкости строки угадываются предельные сжатия, и от этого над ними

образуется совершенно особая, сугубо леоновская атмосфера, в которой непрерывно бушуют потоки энергии, и вам в лицо всегда ударяет свежий запах озона, и через ваше сердце, слегка холода его, неостановимо проносятся время.

...В кабинете совсем темно, и только по-прежнему напряженно высветлен желтый круг на письменном столе, и в бессонном свете электричества — узловатые сильные руки Леонова, руки мастера и творца, руки трудового человека.

Да, в основу книг Леонова заложен нетленный сплав человеческих страстей, и скреплен он горением сердца истинного художника и рукой великого труженика, для которого в своем деле нет второстепенного, нет мелочей. Да, под рукою мастера порою факт, кажущийся обыденным, может дать толчок для providческого обобщения, для гудящего набата в годину вражеского нашествия.

Это и есть вечный путь любого крупного художника — быть всегда на ветрах истории, и даже в нежном шепоте быть услышанным в любом краю своей родной земли.

И тем более слышен, тем более будоражит сердца гудящий набат. Он продолжает жить еще многие поколения и

после того, когда впервые зазвучал.

Судя по параметрам уже содеянного Леоновым, по задачам, наметившимся в его уже известных нам книгах, можно с уверенностью сказать, что «Русский лес» далеко не последнее и не завершающее его творение.

Впрочем, не будем забегать вперед, сколь ни велико нетерпение; когда созреет, будет готов для самостоятельной жизни плод, он сам не сможет дольше висеть на материнской ветке и отделится от нее в положенный срок и час...

У Леонида Леонова трудный и славный путь художника мирового значения. Он оказался удостоенным самого высокого признания, какого может быть удостоен художник.

Признанного волей и непрекращаемым правом народа художника уже не отделить от народа, не отделить, потому что он так глубоко заглянул в человеческую душу и так верно выразил ее, что уже невозможно определить границы между самой жизнью и творением, между художником и народом, его породившим.

Петр ПРОСКУРИН.

Фото А. Канашевича.
(Май 1974 г.)